

E.E. Barinov

LEGAL BASIS FOR BUILDING RELIGIOUS AND CONFESSIONAL COMPONENT OF CONSTITUTIONAL CULTURE AMONG RUSSIANS

Emil' Barinov – Member of Higher Judges' Qualifications Board, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Rostov-on-Don State University of Economics, PhD In Law, Associate Professor, Rostov-on-Don; e-mail: emil.barinov@yandex.ru.

The relevance of the research topic stems from the need to mainstream religious and confessional component of constitutional culture in the course of law making and law enforcement.

The author substantiates the essence of examining religious and confessional component of the constitutional culture, analyzes constitutional and legal regulation of the religious freedom sphere and interaction between the state and confessions in the Soviet period, provides an assessment of the current state of the system of constitutional and legal support of a Secular state principles as well as the right to freedom of religion.

Keywords: constitutional culture; Constitution; inter-confessional relations; rights and freedoms of individuals; religious propaganda; religion; Secular state; secular education; freedom of conscience and belief.

Э.Э. Баринов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЯН

Эмиль Эдуардович Баринов – член Высшей квалификационной коллегии судей РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ), кандидат юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону; e-mail: emil.barinov@yandex.ru.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью учета религиозно-конфессионального компонента конституционной культуры в процессе правотворчества и правоприменения.

Автор обосновывает важность изучения религиозно-конфессионального компонента конституционной культуры; анализирует конституционно-правовое регулирование сферы религиозной свободы и государственно-конфессиональных отношений в советский период; дает оценку современного состояния системы конституционно-правового обеспечения принципов светского государства и права на свободу вероисповедания.

Ключевые слова: конституционная культура; Конституция; межконфессиональные отношения; права и свободы личности; религиозная пропаганда; религия; светское государство; светское образование; свобода совести и вероисповедания.

В структуре конституционной культуры, выступающей базовым элементом конституционно-правовой действительности, наряду с нормативно-правовым и по-

литико-идеологическим можно также выделить нравственно-этический и религиозно-конфессиональный компоненты. Особое отношение к религиозному ком-

поненту конституционной культуры не случайно. С одной стороны, в любом современном государстве существует объективная необходимость юридического оформления системы государственно-конфессиональных отношений, уровня религиозной свободы в государстве и др. С другой стороны, человеческие представления о добре и справедливости формируются, в том числе, и под воздействием религиозных учений. Легитимизация отдельных элементов политико-правовой системы нередко происходит на уровне религиозной культуры. Неслучайно в юридической литературе отмечается, что в России религиозность «выступает неотъемлемой формой общественной жизни и важным свойством российской правовой культуры» [19, с. 58], а взаимодействие религиозного и правового сознания происходит на уровне «непосредственного вхождения в социально-жизненные процессы, а не через усвоение некоей рациональной схемы поведения и внешнего приказа» [13, с. 93].

Надо сказать, что светский характер государства, декларируемый большинством современных конституций, не означает наличия единого шаблона, по которому выстраивалась бы вся система государственно-конфессиональных отношений. Как отмечает профессор Н.С. Бондарь, в условиях острого геополитического противостояния наблюдается «культурно-идеологическая» политизация права. Последствием подобной политизации выступают «противоречивые процессы активной секуляризации законодательства в западных демократиях, с одной стороны, и столь же активная клерикализация права и конституций в других государствах мира – с другой» [2, с. 28].

Таким образом, учет особенностей религиозной культуры народов, населяющих государство, – это важная и актуальная задача, которая возлагается, в том числе, и на современного законодателя. Круг вопросов, изучаемых в этой связи представителями конституционно-правовой науки, можно свести к следующим: 1) свобода вероисповедания, свобода атеистических убеждений, свобода религиоз-

ной и антирелигиозной пропаганды; 2) правовые основы организации и деятельности религиозных объединений; 3) реализация принципов светского государства в повседневной деятельности граждан, деятельности образовательных учреждений, учреждений, оказывающих услуги медицинского характера, деятельности органов публичной власти и др.; 4) обеспечение конституционной безопасности и конституционного суверенитета в контексте защиты религиозной идентичности населения России.

Религиозный компонент конституционной культуры формируется при непосредственном участии Основного Закона страны. Именно на конституционном уровне закладываются базовые составляющие религиозной свободы, оказывающие значительное влияние и на состояние конституционной культуры. С другой стороны, уже сложившиеся конституционно-правовые представления о месте и роли религии в жизни государства и общества влияют и на характер закрепленных в Конституции положений. Необходимо помнить, что рассмотрение конституционной культуры возможно как в контексте анализа восприятия проявлений конституционной действительности, так и с позиций традиционного понимания культуры как универсального способа человеческого самовыражения. В последнем случае изучение религиозного компонента конституционной культуры также приобретает огромное значение.

Особое отношение к Конституции как к документу, определяющему стратегические направления, в том числе государственно-конфессионального развития, формируется под воздействием целого ряда обстоятельств. С одной стороны, текст Основного Закона призван закрепить сложившуюся систему общественных отношений, а с другой – наметить ориентиры желательного для государства их дальнейшего развития. Серьезного внимания заслуживает и вопрос о том, насколько конституционные положения в области религиозной свободы декларативны и каким образом они реализуются на практике. В этой связи отметим, что

советские конституции в некоторой части своих положений служили в большей степени абстрактным идеологическим целям, выступая так называемым «внешним конституционным атрибутом». При этом с реальными конституциями нередко конкурировали «партийные конституции» (программы РКП(б), ВКП(б) и КПСС), которые стояли значительно выше «формальных» советских конституций [12].

На примере текстов конституций бывшего СССР можно проследить, как со стороны выглядело «официальное» отношение к религии в стране и какое отношение к религии органы публичной власти стремились создать на уровне конституционной культуры населения. Забегая вперед, следует согласиться с тем, что сухие конституционные формулировки в полной мере не отражали многие лишения и ограничения, которые приходились на религиозную часть населения страны, как и существенные характеристики атеистической и антирелигиозной политики Советского государства. Так, традиционная для советских конституций достаточная «сдержанность» в вопросах свободы вероисповедания в большинстве случаев компенсировалась реально создаваемой системой общественных отношений, в которой религию изо всех сил старались оттеснить на периферию общественной жизни. Не секрет, что первая советская Конституция принималась в период ломки всей системы экономических, общественных, политических, культурных отношений, когда многие «проблемы» новой власти были еще не решены. Одной из основных и первостепенных задач нового государства была борьба с религией и ее влиянием в государственной и общественной жизни. Религиозный культ предполагалось заменить культом науки, образования и просвещения, хотя впоследствии на смену религиозному культу пришел культ коммунистической идеологии со своими мифами и героями. Необходимость построения принципиально новой духовно-нравственной основы жизнедеятельности и функционирования основных политико-правовых институтов требовала достаточно радикальных шагов по урегу-

лированию религиозной сферы.

Следует отметить, что достаточно «либеральные» положения первой советской Конституции в области религиозной свободы (за исключением отдельных формулировок) не отражали в полной мере всего масштаба санкционируемых государством антирелигиозных процессов и мероприятий. В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделялась от государства, школа отделялась от церкви, а за всеми гражданами признавалась свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды (ст. 13). Напомним, что при советской власти церковь была официально отделена от государства Декретом от 20 января (2 февраля) 1918 г. Еще раньше Временным правительством 14 июля 1917 г. было издано Постановление «О свободе совести», посвященное урегулированию государственно-конфессиональных отношений в направлении учреждения светского государства. Возвращаясь к Конституции РСФСР 1918 г., отметим, что государство предоставляло право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за религиозные преступления (ст. 21). Единственный вид ограничений прав по признаку религиозной принадлежности вводился в сфере избирательных отношений и распространялся не на всех, а только на монахов и духовных служителей церкви и религиозных культов (ст. 65). В советской юридической науке существовало два основных оригинальных объяснения данному феномену. В первом случае доказывалось, что религия в царской России выступала как орудие классового угнетения рабочих и крестьян, а ограничивая избирательные права ее служителей, новая власть «охраняет интересы трудящихся от огромного, враждебного им паразитического слоя» [15, с. 40]. Во втором случае упор делался на то, что служители религиозных культов существовали на «нетрудовые доходы», поэтому их ограничение в избирательных правах закономерно, если религиозная деятельность приносит основной заработок и не распространяется на тех граждан, которые

имеют иные постоянные и стабильные источники дохода [8, с. 180–181].

В изначальном варианте текста Конституции РСФСР 1925 г. положения в области религиозной свободы остались без изменений, однако уже в мае 1929 г. в соответствующую статью были внесены изменения, по результатам которых свобода религиозной пропаганды заменилась на свободу религиозных исповеданий, т.е. право на религиозную пропаганду из конституционного текста было изъято, а на антирелигиозную – осталось. Сохранялся запрет на реализацию активного и пассивного избирательного права для духовных служителей религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых это занятие являлось профессией, и монахов. Одновременно на конституционном уровне провозглашалось практически всеобщее избирательное право, независимо в том числе от вероисповедания.

Особенностью Конституции РСФСР 1937 г. стало «возвращение» монахам и священнослужителям права избирать и быть избранными, кроме того, «свобода религиозных вероисповеданий» была заменена на «свободу отправления религиозных культов», что, чисто терминологически, несколько сужало материальное содержание исследуемого права. В ст. 50 Конституции РСФСР 1978 г. свобода совести определялась как право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещалось. Кроме того, повторялись положения о том, что церковь отделена от государства и школа – от церкви. Таким образом, можно отметить, что даже на конституционном уровне права верующих в Советском союзе всегда были ограничены, как минимум на уровне возможности религиозной пропаганды. Ряд авторов в этой связи отмечает, что право на религиозную пропаганду (закрепленное в первой советской Конституции) во всех случаях оставалось формальным и понималось в узком значении – в смысле ведения разговоров на «узкоцерковные вероучительные те-

мы» [14].

Что же касается антирелигиозной пропаганды, то последняя всегда пользовалась особой опекой Советского государства. Истинное отношение государства к религии достаточно четко сформулировала советская юридическая наука. Так, известный советский правовед Г. Гурвич, анализируя содержание Конституции РСФСР 1937 г., отмечал, что всякая религия, как и всякая вера в сверхъестественные силы, во все времена «использовалась эксплуататорами для того, чтобы парализовать сопротивление эксплуатируемых», а заслуга социалистической революции – в том, что она «сразу и решительно оборвала всякую связь между государством и церковью» и сделала образование светским [3, с. 54].

Что же касается отношения к религиозной свободе членов коммунистической партии, а именно они выступали образцом для подражания любого «строителя коммунизма», то и тут какого-либо двойного понимания не предполагалось. Отношение было крайне негативным, точнее – запретительным. В программе РКП(б) закреплялось, что «Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду» [4, с. 22]. Советский ученый П.И. Стучка указывал в этой связи на то, что, избегая по возможности окорбления чувств верующих, ведущего к возникновению религиозного фанатизма (цитата из Программы), Программа Коммунистической партии требует от всех своих членов борьбы против религиозности, а само служение коммунизму и религиозность несовместимы [16, с. 131]. Обращая внимание на тот факт, что советская юридическая наука на первоначальном этапе своего становления была настроена по отношению к религии гораздо более реакционно, нежели предполагали соответствующие положения первых советских конституций, отметим, что и в более поздний период отношение

к религии и ее последователям продолжало оставаться подчеркнуто негативным. Как отмечали советские ученые, «религия не может быть частным делом по отношению к Коммунистической партии» и несовместима с ее целями и задачами [1, с. 305]. Таким образом, особенностью конституционной культуры советского периода стало явное или скрытое неприятие религии и всех ее составляющих.

Соответствующие особенности конституционной культуры нашли свое отражение и в текущем законодательстве. Так, например, в соответствии с Постановлением СНК СССР от 19.05.1936 г. № 884 «О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам», преподавание предметов религиозного культа в дореволюционное время в стаж педагогической работы не засчитывалось. Особое внимание в системе советской антирелигиозной пропаганды занимали профсоюзные организации. Так, в соответствии с Постановлением Президиума ВЦСПС от 26.08.1937 г. «Об антирелигиозной работе профорганизаций» систематическая антирелигиозная пропаганда – важнейшая задача «политического воспитания масс для полного высвобождения их из-под влияния враждебной коммунизму идеологии, воспитания единственно правильного научного материалистического марксистско-ленинского мировоззрения и преодоления пережитков капитализма в сознании людей». Активная антирелигиозная деятельность профсоюзных организаций предполагалась и в последнее десятилетие советской власти. В соответствии с Постановлением Секретариата ВЦСПС от 31.12.1981 г. № 22-66 «Об усилении работы профсоюзов по атеистическому воспитанию трудящихся» следовало учитывать такие недостатки в атеистической работе, как: оторванность от жизни и отсутствие «наступательного характера». Требовалось активнее разоблачать вред религии для общества и личности, а также попытки служителей культов приспособиться к современным условиям, используя «жизненную неустроенность в отдельных семьях, встречающиеся факты равнодушного отношения к человеку». В

этой связи предлагалось широко внедрять в жизнь трудовых коллективов «социалистические обряды и ритуалы», а к разработке новой обрядности активнее привлекать творческую интеллигенцию. Обращение к обрядовой и ритуальной составляющей социалистической идеи наглядно иллюстрирует очевидную попытку Советского государства заменить одну религию на другую. Как справедливо отмечается в юридической литературе, одним из средств формирования особого социалистического правосознания выступила взаимная связь антирелигиозной, политической и правовой пропаганды [10]. В свою очередь, деятельность Советского государства в сфере религиозной свободы легитимизировала значительные несоответствия между декларируемыми и объективно складывающимися отношениями между государством и верующими, а сама свобода совести, провозглашенная Конституцией СССР, выступала как идеологическая декларация, предназначенная для использования в большей степени на международной арене [6].

Именно по этой причине переход к более лояльной системе взаимоотношений церкви и государства был, по сути, осуществлен не посредством радикальных изменений в тексте Основного Закона (хотя и таковые присутствовали), а на уровне изменения отношений органов публичной власти к верующим. Если относиться к конституционным формулировкам предельно формализовано, можно предположить, что государство сосредоточилось на обеспечении и защите прав верующих (в ущерб атеистам). В частности, ст. 28 действующей Конституции РФ закрепляет право «свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Отметим, что права на антирелигиозную пропаганду в тексте действующей Конституции нет. Можно предположить, что создатели Конституции пошли по пути смягчения формулировок и «антирелигиозные убеждения» были заменены на «иные убеждения», или же вошли в их состав. В целом некоторое смещение правообеспечительной политики государства с

прав атеистов на права верующих ощущается не только на уровне законодательства, но и на уровне правоприменения. Не случайно в современной юридической литературе отмечается, что в настоящее время мы наблюдаем ограничение права на свободу совести в отношении лиц, ведущих антирелигиозную пропаганду [7]. Отдельные авторы, упоминая проекты федеральных законов, запрещающие антирелигиозную пропаганду, унижающую чувства верующих, указывают на опасность для органов публичной власти, перестраховываясь либо злоупотребляя в своих интересах соответствующими полномочиями, запрещать все подряд [17].

Не вдаваясь в дискуссию о том, чьи права – атеистов или верующих – защищены в современной России в большей степени, как и не оценивая популярный тезис о том, что некоторое «принижение» прав атеистов – это своеобразная компенсация верующим россиянам за десятилетия гонений и притеснений, отметим лишь, что современное российское законодательство все же дает право на такую дискуссию. Так, например, ст. 148 Уголовного кодекса РФ, формально обозначенная как «нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», на деле посвящена защите исключительно религиозных чувств верующих, а не «чувств атеистов». При этом следует учитывать, что значительный «перекос» в сторону защиты прав верующих в ущерб правам атеистов является достаточно традиционным для законодательств большинства государств, в том числе заявляющих себя как светские [9]. Можно также отметить, что современное российское законодательство термины «атеист» и «атеизм» предпочитает не использовать, тогда как подчеркнута религиозные термины используются максимально активно. Для сравнения: все еще действующая «Декларация прав и свобод человека и гражданина» 1991 г. в ст. 14 предусматривает право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные либо атеистические убеждения и действовать в соответствии с ними при условии соблюдения закона.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, провозглашение России на конституционном уровне в качестве светского государства стало итогом долгой и кропотливой работы как представителей публичной власти, так и ученых, общественных и религиозных деятелей. Однако основные существенные характеристики светского государства на конституционном уровне раскрыты не были [11], в результате чего мнения по поводу «партнерских» отношений между государством и «традиционными» религиозными конфессиями разделились [5]. Немало вопросов вызывает и реализация на практике ч. 4 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии с которой деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями. Кроме того, соответствующая дискуссия затрагивает и сферу светскости российского образования, также актуализировав ряд важных, требующих своего законодательного обеспечения проблем [20].

В данный момент на конституционном уровне так и не произошел активно обсуждаемый многими консервативно настроенными учеными отказ от идеи светского государства (как и понимание идеи светскости в особом, консервативном ключе). Религиозные объединения, представляющие традиционные религии (конфессии), не получили от государства каких-либо особых преференций, как минимум, на уровне федерального законодательства. Финансовая помощь традиционным конфессиям носит, как правило, разовый и целевой характер. Разговоры о введении «церковного налога» не идут дальше общетеоретических рассуждений консервативно настроенных авторов. Существующие же сегодня налоговые льготы, предусмотренные Налоговым кодексом РФ, в равной степени распространяются на все религиозные объединения, имеющие официальный статус религиозной организации (в отдельных случаях и религиозного объединения). Аналогичные соображения можно высказать и в отно-

шении Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Отметим также, что и сами термины «традиционные религии» и «традиционные конфессии» на уровне отраслевого законодательства не прозвучали. В преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится исключительно о признании особой роли православия в истории России и уважении христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Однако указание на особое отношение к традиционным религиям (конфессиям), в том числе Русской православной церкви, можно заметить на уровне подзаконных актов программного характера («Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» от 08.12.2010 г., «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» от 14.10.2010 г. и др.)

Следует еще раз обратить внимание на тот факт, что современный отечественный законодатель постарался избавиться от категории «атеизм» и всех ее производных. Для сравнения: в бывшем СССР данный термин достаточно часто употреблялся в нормативных правовых актах. Сегодня упоминание атеизма можно встретить очень нечасто, как правило, на уровне судебной практики. Таким образом, сопоставление прав верующих и прав атеистов в современной России возможно лишь на уровне дискуссии общетеоретического характера, а не в формально-юридическом ключе. Сами же права атеистов можно условно отнести к группе прав, присущих гражданам, не исповедующим религию, или гражданам, распространяющим иные убеждения (ст. 28 Конституции РФ). Однако следует напомнить, что семантически термин «атеизм» гораздо более широкий и многозначный, нежели простое неверие в Бога, и может подразумевать критику креационизма, на-

учный скептицизм, а также такие формы «неверия», как активное «отвержение», «отрицание» и др.

Нельзя не отметить, что упоминание о Боге появилось в последней редакции текста Основного Закона. Так, в ст. 67.1 говорится о вере в Бога в контексте исторически сложившегося государственного единства. Не останавливаясь в этой связи на целесообразности размещения данных положений в главе, посвященной федеративному устройству, как и на достаточно спорной лексической конструкции данной части статьи, отметим, что давно ожидаемая легализация категории «Бог» как категории самодостаточной на уровне конституционного текста все же не состоялась, а легализация категории «вера в Бога» в упомянутом контексте была отмечена достаточным количеством как положительных, так и отрицательных отзывов. Однако в своем Заключении от 16.03.2020 г. № 1-3 Конституционный Суд РФ указал на тот факт, что включение в текст Конституции Российской Федерации положения о вере в Бога, переданной народу России предками, не означает отказа от светского характера государства и не ставит в неравное положение граждан в зависимости от наличия такой веры и ее конкретной направленности. В специальном тематическом комментарии, посвященном конституционным поправкам 2020 г., соответствующие конституционные новеллы рассматриваются не только как обращение к нравственным истокам, в равной степени важным для всех конфессий, но и в контексте перехода к конкретизации других традиционных ценностей, таких как семья и дети [18, с. 39].

В заключение отметим, что современное Российское государство, пусть и позиционируя себя как светское, все еще находится в поиске оптимальной модели государственно-конфессионального взаимодействия, допустимых пределов ограничения религиозной свободы и устраивающего большую часть населения баланса между правами верующих и атеистов, несмотря на тот факт, что последние прямо не фигурируют в отечественном правовом пространстве. Конституции советского

периода, последовательно декларируя свободу вероисповедания, решали в большей степени задачи по улучшению имиджа бывшего СССР, а не защите прав верующих, хотя соответствующие статьи в уголовном законодательстве присутствовали. Ответственность за пропаганду или агитацию, направленную «к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни», появилась в Уголовном кодексе РСФСР уже в 1927 г. Однако вся мощь идеолого-воспитательного и карательного аппарата, как и доступные средства правового характера, была направлена на борьбу с религией и последовательное вытеснение ее на задворки общественного сознания. В этой связи следует отметить Постановление ВЦИК от 23.02.1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», после которого «война» с религией и ее представителями актуализировалась на уровне политической повестки молодого Советского государства. В уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. присутствовала специальная глава, предусматривающая ответственность за нарушение правил об отделении церкви от государства. Активное и порой агрессивное неприятие религии Советским государством было вызвано тем, что у последнего уже существовала «собственная религия», которая не допускала какой-либо конкуренции. Между тем, как часто отмечается в юридической литературе, как минимум между идеями христианства и идеологией коммунизма существует очень много общего, т.е. своеобразный альянс все же был возможен, если бы изначально молодым Советским государством религия не рассматривалась как сила абсолютно враждебная. Активное внедрение религиозных идеалов и ценностей, в том числе на уровне конституционной культуры и конституционного мировоззрения, стало возможным в условиях, когда соответствующая идеологическая ниша освободилась.

Современное Российское государство трактует принцип светскости достаточно широко. Однако, регламентируя вопросы религиозной свободы, включая уровень

отраслевого законодательства, важно помнить, что основное условие формирования конституционной культуры – это достаточно высокий уровень социальной ответственности и социального доверия между представителями различных социальных, в том числе религиозных групп. Нельзя не учитывать объективные предпосылки для выделения особых, опекаемых государством конфессий, однако не следует игнорировать и традиционные для советской государственной науки «права атеистов». Эффективность Конституции как важнейшего юридического и политико-идеологического документа, как и всей системы отраслевого законодательства, напрямую связана со степенью укорененности конституционно-правовых положений на уровне конституционного правосознания и конституционной культуры. Религиозно-конфессиональный компонент конституционной культуры требует особого внимания, т.к., с одной стороны, напрямую влияет на мирное сосуществование народов и различных социальных групп, проживающих на территории Российской Федерации, а с другой стороны, выступает важным элементом конституционного правосознания и традиционным (а для отдельных религиозных групп и базовым) регулятором общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беседы о религии и знании / под ред. Ю.П. Францева. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 318 с.
2. Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.
3. Гурвич Г. О Конституции РСФСР. М.: Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1940. 56 с.
4. Законодательство о религиозных культурах: сб. материалов и документов / сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин; под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова. 2-е изд., доп. М.: Юрид. лит., 1971. 336 с.
5. Исаева А.А. Правовое регулирование миссионерской деятельности: россий-

ские реалии и опыт стран Содружества Независимых Государств // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3. С. 27–45.

6. *Клюева В.П.* Свобода совести в СССР: от декларации до попыток реализации // История государства и права. 2013. № 13. С. 17–20.

7. *Кондрашев А.А.* Современный политический режим России: ограничения базовых гражданских прав и свобод посредством законодательных новаций и правоприменительной практики // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 10–17.

8. *Малицкий А.* Советское государственное право (очерки). Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1926. 319 с.

9. *Мальшикин А.В.* Правовые и неправовые социальные санкции: вопросы взаимодействия и интеграции // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. С. 25–40.

10. *Мигуценко О.Н.* Профессиональная подготовка и правовое воспитание сотрудников милиции в 20–30-е годы // Российский следователь. 2011. № 7. С. 37–40.

11. *Митюков М.А.* Образ светского государства: по материалам Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР (РФ) (1990–1993 гг.) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 58–65.

12. *Петренко Д.С.* Взаимодействие органов власти Союза и союзных республик в сфере конституционного нормоконтроля на этапе становления СССР // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. С. 1–11.

13. *Петюкова О.Н.* Влияние религи-

озного фактора на формирование правосознания современного российского общества в контексте международного права // Право и управление. XXI век. 2008. № 2 (7). С. 91–97.

14. *Синельников С.П.* Советское законодательство о религиозной пропаганде (1918–1930-е гг.) // История государства и права. 2011. № 22. С. 38–42.

15. Советское государственное устройство: лекции для работников низового советского аппарата / под ред. Г.С. Гурвича, Ф.Т. Иванова, В.Н. Максимовского. М.: изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1930. 400 с.

16. *Стучка П.* Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. 6-е изд., перераб. М.–Л.: Государственное издательство, 1929. 311 с.

17. *Уваров А.А.* Средства массовой информации как институт гражданского общества (правовые аспекты) // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 45–48.

18. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: НОРМА: ИНФРА М., 2020. 240 с.

19. *Чупрова А.А., Хиль И. М., Епифанова Е.В.* Об осмыслении религиозной обусловленности правосознания в правоприменении // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11(179). С. 57–59.

20. *Янкевич С.В., Княгинина Н.В.* Светский характер общего образования в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 91–101.